

ИМПЕРИИ ЗЛА

ГЕРМАНИЯ

В КРУГОВОРОТЕ
ФАШИСТСКОЙ
СВАСТИКИ



НИКОЛАЙ УСТЯЛОВ

Николай Устрялов

**Германия. В круговороте
фашистской свастики**

«Алисторус»

1933

Устрялов Н. В.

Германия. В круговороте фашистской свастики /
Н. В. Устрялов — «Алисторус», 1933

Книга известного отечественного социолога, теоретика и представителя правого национал-большевизма Н.В. Устрялова (1890–1937) впервые увидела свет в 1933 году. И в этом же году, как известно, совершенно законным, конституционным путем к власти пришел Гитлер (30 января 1933 года он был назначен канцлером). Исследование относится к ряду знаковых, на протяжении многих лет малодоступных трудов по истории немецкого национал-социализма. Книга снимает пелену таинственности со стремлений нацистских лидеров, заставляет читателя переосмыслить не только историю Германии после 1918 года, но и по-новому взглянуть на события 1930-х годов в контексте мировой истории. Перед нами – немецкая национал-социалистическая революция – глазами обвиненного 14 сентября 1937 года в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» и в тот же день расстрелянного диссидента-радикала.

© Устрялов Н. В., 1933

© Алисторус, 1933

Содержание

ПАРТИЯ МАССЫ[1]	5
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛ- СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ	8
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПУНКТОВ 1920 ГОДА	11
РАСИЗМ. АНТИСЕМИТИЗМ	14
НАЦИОНАЛИЗМ. ГОСУДАРСТВО. ПАРТИЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Н. Устрялов

Германия

В круговороте фашистской свастики

ПАРТИЯ МАССЫ¹

Что такое Гитлер: проселочная тропинка германской истории или ее генеральный тракт? Что такое национал-социализм: мыльный пузырь безвременья – или гром, загремевший с исторических небес?

На этот вопрос ответит история. Материалы для ответа растут и множатся на наших глазах. Интересно и поучительно следить за ними и за их накоплением.

Прежде, в довоенные времена и в XIX веке, не бывало примеров столь бурного роста, столь молниеносного массового успеха политической партии. В 1919 году в Мюнхене меблированные комнаты Розенбад оказали приют первым собраниям «немецкой рабочей партии»; на этих собраниях заседало семь человек, считая самого вождя. А в 1932 году на президентских выборах Гитлер собрал свыше 13 миллионов голосов. Число членов партии достигло миллиона двухсот тысяч. Еще через год больше 17 миллионов избирателей отдали свои голоса вождю, уже возглавляющему правительственную власть Германии. Таковы темпы.

Партия массы. Ее успех – поветрие, коллективный гипноз, если угодно, психоз. Но поветрие, пробуждающее повышенную возбудимость, волю к действию, к действительности: воинствующая партия, когорта бойцов.

В этом отношении она глубоко и подлинно современна: двадцатый век родился под знаком пробуждения активности больших человеческих масс, хлынувших в историю. Настал век сверхдемократии и массового человека. Так бывало и прежде, в критические эпохи, когда «рок менял лошадей». Теперь это проявляется тем острее, чем многочисленнее земной шар и особенно его решающие участки. Да и рок меняет уже не лошадей, а лошадь на разного рода механические двигатели.

«Восстание масс» находит отзвуки и отражения повсюду: в культуре, в стиле эпохи – количество переходит в качество. Массовые партии – знамение времени. Ленин создает замечательную стратегию и тактику массового действия: революция новой эры родила своего Клаузевица, математически и вместе с тем вдохновенно исчислявшего конкретные стадии той чудесной диалектики страха и любви, бунта и послушания, которую являет собой пробужденная к жизни масса.

А как же «герои»? Разумеется, герои и вожди не исчезли, но они восприняли новый облик: это не полубоги, не помазанники Божией милостью, а исчадия массы, плоть от ее плоти. Это не кормчие романтических трирем, а шоферы трезвых моторов. Если и в них есть романтика, то совсем иная, новая. Кепка Ленина, куртка Сталина, черная рубашка Муссолини и коричневая Гитлера – символы. В них светится политическая современность, напоенная судьбою, как миф.

Национал-социалистические вожди отлично знают природу движения, вознесшего их на поверхность и даже на верхушку политической жизни Германии. С первых же дней своего политического бытия они стремятся закрепить и расширить свое влияние на улицу: кто

¹ Книга Н. Устрялова «Германский национал-социализм» была впервые опубликована в 1933 году. Это ценное свидетельство очевидца тех драматических событий, которые развертывались в Европе. (Здесь и далее примеч. ред.)

сегодня хозяин улицы, завтра будет хозяином государства. Социальное поветрие немислимо и, во всяком случае, непрочное – без организации.

В книге Гитлера «Моя борьба» очень много места уделяется искусству владения массой. Пожалуй, это наиболее любопытные, наиболее удачливые страницы книги. Гитлер здесь вполне откровенен. И, главное, компетентен: чувствуешь, что это его стихия, что тут он, действительно, мастер своего ремесла: его организаторский талант – вне сомнений.

Кто хочет владеть массой, пусть помнит, что масса живет чувствами, а не отвлеченным разумом. Масса меньше всего состоит из профессоров и дипломатов. Ее не возьмешь половинчатостью и академической объективностью. Ей нужна фанатическая односторонность и страстная преданность цели. Вместо знания – вера, вместо уважения – поклонение, вместо несогласия – ненависть. Чтобы влиять на массу, необходимы нетерпимость, фанатизм, порой уместна даже истерика: только так зажигаются сердца. Массовый вождь должен сознательно овладеть логикой страсти и техникой экстаза.

«Задачей агитатора, – пишет Гитлер, – не является выяснение или объяснение чего-либо. Нужно как можно меньше рассуждений и доказательств. Основная задача – ухватить массы за самый чувствительный нерв и затем дать им сильный толчок, от которого они некоторое время будут катиться в нужном направлении». Огромно значение живого слова, непосредственного словесного воздействия. «Важно не написанное, а сказанное слово. Ошибается тот, кто думает, что политические писания, проходя через много рук, могут оказать большое пропагандистское действие. Нет, только тот пропагандист, который стоит лицом к лицу с массой, борется с ней, по глазам слушателей определяет, понимают ли они его, с ним ли они, – только такой пропагандист способен овладеть массой».

Как это нередко бывает с кумирами массы, Гитлер относится очень свысока к вознесшей его стихии. «Презирайте народ и помогайте ему!» – восклицал в свое время Мирабо. Патетически обещая германскому народу «мед и молоко вместо хлеба и воды», Гитлер при этом не скрывает своего презрения к толпе. Масса сама по себе бесполезна и бессильна – она становится силой лишь в руках вождей, знающих, чего они хотят. Но в то же время нельзя обойтись без масс. Власть покоится на трех китах: популярность, сила, традиция. Революция развеяла по ветру всю триаду – значит надо начинать сначала. Нужно начать с популярности, затем вернуть силу и установить или восстановить традицию. Чтобы завоевать популярность, требуется *populus*, масса, толпа. Толпу нужно уметь покорить, заморозить. Для этого необходима смелость, самоотверженность, способность к жертве: «история – не для пролаз, а для героев».

Национал-социализм широко использовал организационно-тактические наставления своего вождя. Бесчисленные свои митинги он умеет проводить в тонах высокой театральнойности, разрабатывая технику успеха с тонким расчетом и серьезнейшей заботливостью. Каждое собрание должно быть талантливой антрепризой. Слова, летящие с кафедры, должны находить дополнение в обстановке митинга, в игре огней, в грохоте микрофонов, в зрительных и слуховых впечатлениях: здесь веселящий плакат, там бьющий по нервам лозунг, хватают за душу звуки патриотической песни, тешат взгляд смешные чучела врагов – француза, банкира, еврея. Аудитория покорена, накалена, опьянена. Много раз описывалось, какую помпой обставляются выступления самого Гитлера: военные оркестры, взводы знаменосцев, парады ударных отрядов, выступление конвоя личных телохранителей, – и, наконец, явление вождя. Так создается то, что называют «медиаумичностью» Гитлера. Сам он обозначает все это – «демагогией большого стиля». Эффект получается сокрушительный: масса воспринимает вождя как мессию.

Нередко митинги устраиваются в полутемном помещении, и лишь лицо оратора освещается рефлекторами: «Гитлер как бы чувствует, – острят его противники, – что свои идеи он может сбыть только в полумраке, как сбывают краденые вещи». Создается атмосфера массовой экзальтации, ораторы производят впечатление одержимых. Психиатр проф. Грубер так харак-

теризует выступления Геббельса, Гросса и др.: «выражение лица человека безумно возбужденного, лицевые мускулы судорожно подергиваются, движения напоминают эпилептика». Агитационный словарь соответствует жестам. Ораторы масс должны иметь мужество быть зачастую плоскими и банальными. Ибо главное – не содержание митинговых речей, а впечатление, ими производимое.

При таких условиях можно представить себе, как выглядел Берлин вечером и ночью 30 января нынешнего года, когда распаленная улица фашизма приветствовала своего героя канцлером! «Кажется, мы вернулись к великим августовским дням 1914 года!» – говорили в толпе... Великие дни 14-го года! Что было за ними, каков был их вечер в ноябре 1918-го, – об этом умалчивается, вернее, это решительно забылось: коротка уличная память. И хмелен дурман демагогии.

Но массовое действие возможно не только на улицах. В парламентах – та же тактика оглушения, тот же социальный эпатаж. В рейхстаге гитлеровцы требуют закона о смертной казни для всякого немца, признающего ответственность Германии за мировую войну. Парламентская трибуна – наиболее высокая из митинговых кафедр, и только. Гитлер научился у Ленина оценке парламентской работы: парламентами можно пользоваться для своих целей, но нельзя принимать их всерьез. Национал-социалисты – не парламентская, а массовая партия. «Наше движение антипарламентарно и наше участие в парламентских учреждениях имеет целью их разрушение», – заявляет Гитлер в *Mein Kampf*.

Но как удалось этому движению стать поветрием, увлечь массы, овладеть государственной властью?

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Надо вспомнить атмосферу послевоенной Германии, страдающей, униженной, разгромленной – и все же внутренне не сломленной. Версальский договор, «оставив ей лишь глаза, чтобы плакать», низвел немецкий народ на положение чуть ли не чернокожих. Нищета, нужда сочетались с небывалой психической уязвленностью, с «обоженной кожей». Правительства, оглушаемые террором извне и атакуемые внутренними смутами, были несчастны и безропотны. Они ставили ставку на терпение и время.

И вот в этой обстановке унижительного благоразумия сверху и всеобщей неразберихи внизу – зазвучали бодрые, гордые, мажорные, как вызов, слова. Не так страшен Версаль, как его малюют. Германия была и будет Великой. «Мы не проиграли войну, нас погубила революция». Конечно, это иллюзия, это историческая неправда, но она утешает и воодушевляет! Прежде всего молодежь охотно ей поддается. Германия непобедима, нечего унывать, – Германия выше всего. Смелее: трусы не торжествуют никогда, побеждает твердая воля. Прочь сомнения, впереди непреложная цель: «германское государство немецкой нации».

Удачна та агитация, которая сумеет «ударить по сердцам с неведомой силой». Гитлер, с его несложной политической психологией, с его грубоватым и гулким пропагандистским инструментом – «барабанщик национальной Германии», – умел прекрасно воздействовать на страдающее национальное чувство, на оскорбленный немецкий патриотизм.

Он не знал устали в своих призывах: «скорее солнце и луна остановят свой бег вокруг земли, нежели я перестану призывать Германию к пробуждению». И его исступленная проповедь, в которой была своя строго рассчитанная система, – пролагала путь к сердцам; не сразу, сначала медленно, но потом все быстрее и вернее. Ее слушали, ею вдохновлялись. Она сулила – просвет, перспективу, победу: «Германия, проснись!».

Но кроме мотива патриотического, напряженного и бравурного, в ней с самого начала отчетливо звучал также мотив социальный, могучий лейтмотив XX века. Война ввергла Германию в нищету. Революция не сделала этой нищеты всеобщей и равной, не загасила социальной зависти примерным погромом богатых. Капиталисты, банкиры, шиберы – устояли; обидой, вызовом смотрело их благоденствие на фоне народных страданий: какое раздолье для экстремистской пропаганды! Гитлер, сам выходец снизу, полурабочий, полуинтеллигент с инстинктами мелкого буржуа, – сразу же учел этот мотив, эту несравненную удочку для уловления масс. Он не мог не понять, что эксплуатацию патриотических чувств необходимо сочетать с учетом социального недовольства, с демонстративным сочувствием народным горестям, – иначе массы уйдут к врагам, к интернационалистам, коммунистам. Тем более что основная национально-патриотическая направленность организуемого движения, при некоторой находчивости, поддавалась и своеобразной социально-революционной инструментровке: Германию угнетает мировая биржа, международный финансовый капитал! В этом ударном сочетании национальной и социальной темы таился в значительной степени секрет массового успеха гитлеровской агитации. Под свежим еще впечатлением ужасного крушения гогенцоллернской монархии нельзя было твердить патриотические зады ala Вильгельм. Нужно было подать патриотизм по-новому, с иными приправами. Франц Зельдте, организатор и душа «Стального Шлема», союза участников войны, тоже широко шел навстречу националистическим настроениям, никогда не умиравшим в Германии; но идея социального переворота, радикального переустройства общества была ему чужда, как всем «правым» деятелям старого типа. Гитлер в этом отношении проявил известную новаторскую оригинальность, свойственную духу времени, обнаружил нюх, чующий эпоху.

На всю Германию национал-социалистический вождь прославился в тяжелом для страны 1923 году. В ночь на 9 ноября этого года вместе с фон Каром и Людендорфом он возглавил попытку государственного переворота. Как известно, попытка оказалась неудачной и отошла в историю под мало почтенным названием «пивного путча» (заговорщики собирались в одной из мюнхенских пивных). Накануне выступления Гитлер держал речь: «Либо завтра в Германии будет национальное правительство, либо мы умрем». Жизнь, однако, нашла третий исход. Гитлер был присужден судом к пятилетней тюремной отсидке. Через десять месяцев досрочно он снова был на свободе: демократия блюла своего грядущего убийцу. Путч сыграл для него роль не столько репетиции, сколько рекламы. В тюремной камере он усиленно писал свою книжку, и выход из тюрьмы совпал для него с выходом из неизвестности.

Инфляция, разруха, рурские подвиги Пуанкаре – питали Гитлера, как и немецких коммунистов. Наступившие затем годы относительной стабилизации парализовали успехи обоих движений. Спадавала красная лавина, таяли и приверженцы Гитлера. Майские выборы 1924 года принесли национал-социалистам два миллиона голосов, а в декабре того же года на новых выборах больше миллиона из них уже отхлынуло от партии. Планы Дауэса, потом Юнга, веяния Локарно и дипломатические усилия Штресемана направляли течение событий по иному руслу. Острота противоречий как будто сглаживалась. Политическая температура, понижаясь, прекращала кипение масс. Выборы 1928 года не принесли Гитлеру ничего отрадного: он получил 800 000 голосов, и его сторонники составили в парламенте ничтожную группочку в 12 человек. Их прозвали: «двенадцать апостолов».

В эти же годы, однако, идет довольно оживленная идеологическая и организационная работа: национал-социализм политически вооружается, готовится к будущему. Между прочим происходит объединение его с «расистами» Ревентлова: факт не случайный и не лишенный значения. В Гитлере расизм нашел своего преданнейшего последователя. Правда, организационный перевес в происшедшем объединении вскоре оказывается вполне на стороне наци, deutsch-volkische растворяется в гитлеровской массе. Но, растворяясь, своими идеями она пропитывает национал-социалистическое движение. К наци прочно прививается кличка «расисты».

Стабилизации приходит конец, а вместе с ней испаряется постепенно и дух политики Штресемана. Наступает мировой кризис, миллионы безработных колеблют общественные основы. Снова заостряются всевозможные противоречия – социальные и политические, внутригосударственные и международные. Германия изнемогает под бременем репараций, Германия не в силах платить. И вновь расцветает национал-социализм: он – на исторической волне. Выборы 1930 года дают ему шесть с половиной миллионов голосов и 107 депутатских мест.

Связь явлений понятна. Массы, ввергнутые в беды, опять проявляют непосредственную активность, направляя ее по пути, наиболее внятного их сознанию. Снова версальская система сосредоточивает на себе ненависть всех немцев, как петля, накинута на Германию. Но рядом с ней, с этой беспредельно ненавистной системой, в представлении многих миллионов все чаще и настойчивее сочетается ее творец и страж, ее могучий и в то же время дряхлеющий покровитель – «мировой финансовый капитал».

Обе партии массы в Германии – наци и коммунисты – стремятся использовать ситуацию, привлечь на свою сторону безработных и недовольных, оформить подъем политических настроений, каждая на свой лад. Но двойственность основных объективно данных притяжений и отталкиваний приходится учитывать обеим: налицо затейливый переплет национального и социального моментов, патриотической страсти и классовой розни.

И любопытно наблюдать, как коммунисты, вынуждаясь обстановкой к широкому использованию возбужденного патриотизма, смело выбрасывают националистически звучащие лозунги, а гитлеровцы, считаясь с острым социальным недовольством масс, не щадят слов для обличения капиталистического строя. «Советская Германия выше всего!» – провоз-

глашают коммунисты. «Долой капиталистов, да живет германский социализм!»— откликаются наци. Нужно ли после этого удивляться, что нередко наблюдались перебежки из одного лагеря в другой? Утверждали даже, что гитлеровские «штурмовые отряды» состоят наполовину из недавних «красных фронтовиков». Известно, что ряд активных национал-социалистических работников – бывшие коммунисты. Отмечались и противоположные «обращения»– справа налево, от Гитлера к Тельману. Полярно враждебные концепции, воздействуя на конкретную среду и испытывая обратное ее воздействие на себя, невольно обретали словно какие-то элементы общего языка, не прекращая взаимной борьбы. Так в психологии масс светится логика эпохи. Так в столкновении идей и страстей сквозит диалектика истории.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПУНКТОВ 1920 ГОДА

Какова же политическая программа национал-социалистической партии?

Любопытен ее текст, выработанный виднейшим ее идеологом Г. Федером и принятый на импровизированном собрании 24 февраля 1920 года. Тогда же он был объявлен «неизменным». Нельзя отрицать своеобразной красочности этого документа. Вот он – почти дословно:

1) Мы требуем объединения всех германцев на почве принципа самоопределения народов в единую великую Германию.

2) Мы требуем равенства германского народа по отношению к другим нациям и отмены Версальского и Сен-Жерменского договоров.

3) Мы требуем территории для прокормления нашего народа и распределения прироста населения.

4) Гражданские права должны быть предоставлены только лицам германского расового корня (Volksgenossen, т. е. своекровные, соплеменники). Соплеменники – лица германской крови только, безотносительно к исповедуемой ими религии. Ни один еврей поэтому не может принадлежать к соплеменникам.

5) Не граждане могут жить в Германии как гости и подчиняются законам об иностранцах.

6) Право голоса имеют лишь граждане. Все государственные, национальные и муниципальные должности могут занимать лишь гражданами. Мы осуждаем развращающее парламентское вмешательство партий в назначения на должности, независимо от способностей и характера.

7) Государство ответственно за материальное благополучие граждан. Если его нельзя достигнуть по отношению ко всему населению, то иностранцы (не граждане) подлежат высылке из государства.

8) Иммиграция не германского элемента прекращается. Мы требуем, чтобы все негерманцы, вселившиеся в Германию после 2 августа 1914 года, были немедленно высланы за пределы страны.

9) Все граждане имеют равные права и равные обязанности.

10) Умственный или физический труд – высочайшая обязанность каждого гражданина. Деятельность каждого индивида не должна противоречить интересам целого и должна быть направлена на благо всех.

11) Мы требуем уничтожения нетрудового дохода и долгового рабства.

12) Так как обогащение благодаря войне – преступление против народа, мы требуем конфискации всей военной прибыли.

13) Мы требуем национализации всех трестированных предприятий.

14) Мы требуем разделения прибылей во всех больших предприятиях.

15) Мы требуем охраны старости.

16) Мы требуем создания и поддержания здорового среднего сословия, немедленного обобществления больших универсальных магазинов и сдачи их внаймы по дешевым ценам мелким ремесленникам. Мы требуем внимания к мелким торговцам (предоставления им государственных и муниципальных контрактов).

17) Мы требуем земельной реформы в согласии с нашими национальными интересами. Проведения закона о безвозмездном отчуждении земель для общего пользования, отмены арендной платы за землю и пресечения всякой земельной спекуляции.

18) Мы требуем беспощадной борьбы против всех, кто своей деятельностью вредит общим интересам. Преступные ростовщики и спекулянты наказываются смертью, безотносительно к вероисповеданию и национальности.

19) Мы требуем замены германским правом римского кодекса, доселе обслуживавшего материалистические интересы.

20) Мы требуем доступности для всех высшего образования. Приспособления школы к интересам государства. Дорогу – способнейшим.

21) Мы требуем защиты материнства и младенчества государством. Запрещения детского труда. Развития спорта.

22) Мы требуем упразднения наемного войска и создания на его место народной армии.

23) Мы требуем законодательных мероприятий против политической лжи и ее распространения через прессу: а) издатели и редакторы всех газет должны быть соплеменниками; б) негерманские издания могут появляться лишь с разрешения государства; они не должны печататься на немецком языке; с) финансирование прессы запрещается для всех негерманцев. За нарушение этого условия газеты закрываются, и виновные иностранцы изгоняются за пределы страны. Издания, противоречащие общему благу, запрещаются. Издаются ограничивающие законы в отношении направлений в литературе и искусстве, оказывающих вредное влияние на общественную жизнь.

24) Мы требуем свободы всех вероисповеданий, поскольку их приверженцы не угрожают целостности государства и не оскорбляют национального чувства германской расы. Партия, как таковая, стоит на почве христианства, не связывая себя с каким-либо отдельным вероисповеданием. Партия противостоит еврейскому материалистическому духу внутри и вовне. Общественное выздоровление возможно лишь тогда, когда общие интересы будут ставиться выше частных.

25) Чтобы осуществить вышеизложенное, требуется создание строго централизованной власти в нации, абсолютная власть и авторитет центрального парламента над всей нацией и ее организациями, создание «палат сословий и интересов» для осуществления в отдельных государствах законов, издаваемых нацией.

Вожди партии обязуются бороться за осуществление изложенной программы, если это потребуется, даже ценою собственной жизни.

Таков основной «программный» документ партии Гитлера. Что можно сказать о нем? Что он собой означает?

Алданов в своей статье о Гитлере цитирует мнение Мережковского по поводу идеологии национал-социалистов:

Обсуждать их идеи все равно, что обсуждать идеи саранчи; новое и существенное у них – это та температура, которую они создали.

Это остроумно, но не совсем верно. Не они создали «температуру», а, скорее, наоборот: температура – их. Они – порождение послевоенной лихорадки, пореволюционного смятения. Вот почему нельзя пройти мимо их «идей», мимо ассортимента лозунгов, принесших им успех. Лозунги демагогов зачастую отрываются от умыслов, их производящих на свет, живут независимо от них, отражая собою процессы, творящиеся в массах, и, в свою очередь, влияя на развитие этих процессов. Если у «саранчи» нет «идей», то у нее есть инстинкты и интересы, подлежащие изучению. Есть они и у людей, у людских обществ. Можно еще, пожалуй, добавить, что даже и самая примитивная человеческая толпа все-таки содержательнее и «ценнее» самой породистой саранчи, качественно иноприродна ей: ее интересы и инстинкты неизбежно претворяются в идеи, в «идеи-силы».

Разбираясь в идейно-политическом арсенале наци, можно точнее уяснить себе политическую обстановку современной Германии, соотношение социальных сил в стране, сложную игру исторических тенденций, наконец, радугу наиболее действенных ныне идейных приманок. Это немало. Вместе с тем, разумеется, нужно вслушиваться в резонанс, сопровождающий те или другие лозунги в той или другой социальной среде.

Что же представляет собою приведенная национал-социалистическая программа?

Первое впечатление от нее – ударность, выпуклость ее стиля. Это стиль массовой партии, политическое «философствование молотом». Затем – некоторая широта, пестрота, эклектизм социальной ориентировки: стремление сочетать воедино различные группы с противоречивыми интересами. Для всех немцев – Великая Германия. Для шовинистов – антисемитизм. Для баронов – чистота германской расы. Для среднего класса – «здоровое среднее сословие» и немедленное обобществление больших универсальных магазинов; «сто мелких мастерских лучше одной фабрики» – пояснял соответствующей аудитории Геббельс 16-ю статью программы. Для крестьян – принудительное безвозмездное отчуждение земель общего пользования, отмена арендной платы и т. д. Для рабочих – национализация трестов и разделение прибылей. Для всех трудящихся – уничтожение нетрудового дохода и задолженности, конфискация военной прибыли. Для всех имущих – борьба с марксизмом, и в частности коммунизмом, правда, почему-то не введенная в текст программы, но провозглашаемая при каждом удобном случае. Наконец, всем женщинам Гитлер в речах своих обещает «вместо равноправия – мужей».

Букет политических блюд. Переперченных, приукрашенных, аппетитно поданных – пусть на невзыскательный вкус. Но что же делать: «душа массы, – повторяет Гитлер, – тяготеет к силе и четкости». Толпа нуждается не только в кнуте насилия, но и в опиуме обмана. Обильные обещания. Отчетливо антибуржуазный налет.

Однако не так трудно в агитационной пестряди массовых лозунгов Гитлера вскрыть и основные элементы его идейно-политической программы.

Партийное знамя национал-социалистов содержит в себе три символа: красное поле, белый круг в середине и в круге – черная свастика (Hakenkreuz). Раса (арийство, германцы), нация (Германия), социальная идея, общество труда (социализм). Таковы три основных элемента программы.

Остановимся последовательно на каждом из них.

РАСИЗМ. АНТИСЕМИТИЗМ

В руководящей книжке Гитлера расовой идее уделяется первое место. Автор положительно заворочен тезами вульгарного расизма. «Расовая проблема, – по его мнению, – ключ не только к мировой истории, но и ко всей человеческой культуре». Смешение крови – причина гибели культур. Гибель не в проигранных войнах, а в утрате силы сопротивления, к которому способна лишь чистая кровь.

Государство есть не более чем средство и форма; его задача – сохранение расового бытия, воспитание расового сознания. Высшие ценности истории – народность, раса, а не государство; определяющий фактор истории – кровь. Государство имеет смысл лишь как организация расы, способствующая ее сохранению, также развитию ее культурных творческих сил. Само по себе оно не является положительной ценностью: крепкое государство негров было бы бедствием и злом для человечества; напротив, мировая империя германцев оказалась бы для него истинным благодеянием.

Существуют высшие и низшие расы. Господство лучших и сильных, порабощение дурных и слабых – веление Вечной Воли, непреложный естественный закон. Природа аристократична сверху донизу.

Прирожденными, от века избранными водителями и властителями человечества являются, конечно, арийцы. Погибни сейчас арийцы – земной шар погрузился бы снова в темную ночь бескультурья. «Ариец – Прометей человечества; из его лучезарного чела спокон веков высекаются божественные искры гения». Только ариец – Человек в полном и высшем смысле этого слова. Только он способен и призван к подлинному творчеству культуры.

Если арийцы – избранная ветвь человечества, то избранный народ арийства, конечно, германцы: *Herrenvolk*, народ господ. Старые домыслы Гобино и затем Чемберлена оживляются и популяризируются в широкой массовой пропаганде, приятно щекочущей самолюбие рядового немца. Образ и подобие Божие, в сущности, – привилегия лишь длинноголового, голубоглазого, белокурого арийца, северной германской расы. «Осеверение» должно быть идеалом и недостижимой мечтой других племен, безнадежно и неотвратимо ущемленных в их человеческом качестве (*Minus mensch*). О долге осеверения надлежит помнить и самим немцам, поскольку громадная их часть, в силу превратностей исторической судьбы, обладает нечистой, замутненной кровью. Тем же, в чьих жилах чистая кровь, следует бережно, свято и благоговейно хранить эту священную расовую чистоту. Вся политика германского государства обязана в первую очередь руководствоваться именно этим, биологическим императивом. «Если бы, – пишет Гитлер, – немецкий народ в своем историческом развитии сохранил свое племенное единство, германская империя ныне была бы, конечно, владычицей земного шара».

Отсюда лишь своекровные, лишь соплеменники могут быть полноправными гражданами грядущей немецкой державы, да и то лишь после подобающего национального воспитания, военного обучения и, наконец, торжественной присяги, клятвы блюсти чистоту крови. Что же касается инокровных, то они на всю жизнь остаются только подданными, причастными государству (*Staatsangehörige*), но не участвующими в определении его воли. Государство о них заботится, но они лишены избирательного права, активного и пассивного: на них нельзя вполне положиться. От иностранцев они отличаются только тем, что не принадлежат к населению какого-либо другого государства. Женщины приобретают гражданство лишь через брак с гражданином.

Так демагогический биологизм научного полусвета служит службу зоологизму в социологии и расизму в политике. Это сомнительное блюдо подается массам под религиозным соусом: Высшая сила недаром установила незыблемые свойства и преграды крови.

В свое время французские философы католической реакции (особенно Бональд) любили утверждать, что законы природы суть веления Божий и что поэтому органические, сверхиндивидуальные основы общества и общественного развития – заповеданы и освящены свыше. Об этом характерном синтезе натуралистической и теологической точек зрения невольно вспоминаешь теперь, при чтении национал-социалистической литературы. Не заметно, чтобы Гитлер был осведомлен о традициях этой своей идеи, но он не раз возвращается к мысли, что его зоологическая концепция человечества, его, можно сказать, бестиальный биологизм, – покоится на соизволении и даже прямом указании Божества. Русский автор Степун удачно называет этот круг расистских утверждений – «христианско-коннозаводческой метафизикой». Разумеется, Бональд и его друзья пришли бы в ужас от нынешней вульгаризации их философских узрений. Но ясно: в своем расизме Гитлер выступает законченным эпигоном реакционеров прошлого века. Необходимо тут же отметить, что в итальянском фашизме расистский дух отсутствует начисто: Муссолини для него и достаточно культурен, и достаточно дальновиден. Иначе говоря, расизм отнюдь не есть необходимый элемент фашистской идеологии.

Нет надобности останавливаться на расистском биологизме по существу и углубляться в темную проблему «расы». Современная антропология убедительно доказывает, что «чистая раса» представляет собой чистейшую абстракцию; реально даны лишь смешанные антропологические элементы, так называемые расовые мозаики. Допустим, что в культурно-историческом (а не биологическом) разрезе можно еще ставить проблему «белой расы» и ее роли в судьбах человечества. Но центр тяжести гитлеровского расизма в другом: в утверждении расового первородства германской нации.

Тут уже протестует не только добросовестная антропология, но и современная социология. Нельзя построить теорию нации на «расовом» базисе. Нации – не природные, а историко-социальные образования. Не мифическая «общая кровь», а конкретная общность исторической судьбы творит нацию. Смешивать в наше время национальную и расовую формацию – значит допускать элементарную путаницу понятий.

Но сточки зрения чисто политической бросается в глаза несообразность пунктов 4 и 5 национал-социалистической программы. Всякая серьезная попытка осуществить эти пункты на деле привела бы к глубочайшему потрясению государства. Ибо где критерий «чистоты расового корня»? Не без основания иронизируют, что ближайшее окружение самого вождя подлежало бы тогда основательной и чуть ли не сплошной чистке; некоторые сомневаются, подошел ли бы и сам он под понятие «соплеменника». Южные немцы значительно отличны от северных по антропологическому типу. Ранке нашел в Баварии всего 1 % длинночерепных и 83 % широкочерепных. Остальные 16 % падали на смесь тех и других. Известно, что среди немцев широкочерепные более распространены, чем среди англичан; отчего бы тогда не править миром именно англичанам? То же и относительно «белокурости»: даже среди северогерманцев 38–50 % темноволосы; а среди южных германцев процент брюнетов поднимается до 70–99 %. Северная треть Франции и половина Бельгии, с этой точки зрения, более «германские», нежели южная Германия. Лютер, Гете и Бетховен не могут быть причислены к «германскому типу»; Шиллер, Шуман, Лист, Ницше тоже весьма подозрительны по своему «расовому» корню. Еще более сложен вопрос о языке. Дойди дело до реального воплощения расистских планов, – можно себе представить, какой невероятный сумбур поднялся бы в стране, какая разгорелась бы вакханалия нелепых тяжб о «чистоте крови», об овцах и козлицах! Государство бы превратилось бы в сумасшедший дом.

Но возможно, что никто из расистских вождей и не думает всерьез о буквальном осуществлении соответствующих параграфов программы. Может быть, смысл расизма – в создании полезных настроений, в подъеме национальной гордости немцев?

Если так, то псевдорасовое самомнение – неумный путь для достижения этой цели. Едва ли расчетливо любовь к своему народу строить на презрении к другим. Опасно разжигать наци-

оналистическую заносчивость там, где необходимо лишь чувство и сознание национального достоинства. Когда Гитлер тоном дешевого высокомерия говорит о негритизации Франции, юдаизации Англии и Америки, монголизации славян и т. д. – он хочет внушить своим массам убеждение, что есть лишь одна высшая раса и один избранный народ: немцы. На всех остальных они могут смотреть сверху вниз, как на объект господства. Это ли не дурной самообман? Это ли не гибельный путь традиционного пангерманизма, ведущий не только к тяжким общеевропейским потрясениям, но также к изоляции самой Германии – и к изоляции вовсе не «блестящей», как это показал 1918 год.

Рискованность и дурная реакционность расистского пути еще и в том, что он обычно приводит к оправданию кастовой замкнутости носителей высшей породы. Не случайно германская «расовая наука» тяготела к родовой аристократии по преимуществу: «чистая кровь», мол, и спасительный «инстинкт власти» сохранились именно в нем, в этом биологически высшем и исторически торжествующем ведущем слое. Нет ничего более опасного для национального бытия, нежели подобные теории: искусственно поощряя в наше время сословную, кастовую спесь старого дворянства, они способны лишь подорвать, надломить сознание общенационального единства. Правда, Гитлер, массовый вождь, остерегается окрашивать свой расизм в сословно-аристократические цвета. Но история и логика расистской концепции с ее мистикой крови неудержимо льют воду на мельницу родовой знати, касты юнкеров, доселе вопреки рассудку не только уцелевшей в Германии, но сохранившей, как мы увидим далее, огромное влияние и на государственную ее политику.

Но, быть может, для Гитлера и гитлеровцев весь этот вульгарный «расизм» есть не что иное, как псевдонаучное прикрытие бешеного антисемитизма? – Практически за эти годы, в сущности, так и было. Движение насыщено площадным антисемитизмом, живо напоминающим собою стиль нашего русского дореволюционного черносотенства. Сами вожди упорно и демонстративно гнут эту линию, разжигают эти страсти. «Антисемитизм, – провозглашает Г. Федер, – является в известном смысле эмоциональной подпочвой нашего движения... Каждый антисемит, раз он признает в еврее носителя чумы и отравителя расового здоровья нации, выражает это чувство в личной ненависти к каждому отдельному еврею, а также в деловых своих отношениях».

Еврей противопоставляется арийцу, как низшая раса высшей. Борьба евреев с арийцами заполняет собой мировую историю. Еврей вторгается повсюду и, сохраняя себя, разлагает других. Еврейская религия – не что иное, как учение о сохранении еврейской расы. Еврейская политика – борьба за мировую гегемонию еврейства. Ариец обязан защищаться – иначе рухнет мировая культура.

Вся публицистика и вся большая пресса наци переполнена выпадами против евреев. Все беды Германии – плод «еврейской политики». Всякий противник Гитлера – либо еврей, либо подкуплен евреями. Нет, кажется, такого преступления против Германии, на которое не был бы способен еврей. Чувствуется прямо что-то болезненное, маниакальное в суждениях фанатиков антисемитизма. «Евреи для немецкого народа – то же, что туберкулезная бацилла для легких», – заявляет Геббельс. А Розенберг, мининдел коричневого дома, прибалтиец родом и погромщик душой, – щеголяет эффектным рецептом: «Надо по дороге от Мюнхена до Берлина на каждом телеграфном столбе повесить по два еврея – тогда Германия сразу излечится от кризиса».

Уличная агитация партии стремится бить в одну точку: тем ударнее получается бой. «Искусство настоящего народного вождя, – учит Гитлер, – не рассеивать внимание народа, а сосредоточивать его на одном-единственном враге... Тем сильнее будет магнетическая привлекательность движения и крепче сила удара. Даже различных врагов гениальный вождь сумеет представить слитым воедино». Иначе глаза колеблющейся массы начнут разбегаться и воля развинчиваться.

Отсюда – с евреями увязываются все недруги национал-социализма. Марксизм, социал-демократия, коммунисты, международный финансовый капитал, масонство, парламентаризм, демократия – все это сплетается в один причудливый пестрый клубок, в одну гидру юдаизма.

В своей книге Гитлер довольно подробно останавливается на утверждении внутренней родственности марксизма и еврейства. Не случайно вождем и зачинателем социал-демократии был еврей. Не случайно ее лидеры, ее ораторы и газетчики, все эти Аустерлицы, Давиды, Адлеры, Элленбогены, – евреи. Еврейская доктрина марксизма отвергает аристократический принцип природы и заменяет извечное превосходство силы и крепости мертвым грузом числа. Она отрицает в человеке личность, оспаривает значимость народности и массы, отнимая тем самым у человечества наиболее драгоценные предпосылки его жизни и культуры, предавая его в жертву низшей расе, еврею. Основная цель марксизма – упразднение всех нееврейских национальных государств. Если еврей при помощи своего марксизма одолеет – его победный венец будет для человечества венцом смертным. «Отбиваясь от евреев, – восклицает вождь, – я ратую за Божье дело!»

Перед нами – самый банальный, дешевый антисемитизм дурного тона. Языком нового поколения произносятся заржавленные, пропыленные временем слова. Отдельные, подчас неоспоримые факты (например, хотя бы высокий процент евреев в социал-демократическом руководстве) произвольно стилизуются, бесшабашно схематизируются, дабы служить основой сенсационных домыслов и фантастических общих выводов. Вся концепция поражает идейной бедностью и убогой односторонностью. Удивляешься, что плененный ею человек пленяет такой народ, как германский. Опять-таки вспоминается Муссолини: в итальянском фашизме юдофобии нет места.

Но, быть может, она здесь не более чем тактический маневр? Нужно признать, что, читая Гитлера, такого впечатления не выносишь; напротив, проникаешься мыслью, что это заправский, «искренний», органический антисемит, для которого борьба с еврейством – идеологический императив, а не тактический только лозунг. Нельзя, впрочем, отрицать, что лозунг этот находит известный резонанс. Эксплуатирует он настроения, довольно распространенные в немецком студенчестве, мещанстве, даже частично интеллигенции: «литература, пресса, торговля, банки – в руках евреев; а евреи не способны ассимилироваться до конца, стать настоящими немцами». Антисемитизм – обратная сторона раздраженного, распухшего от ударов и слез патологического национализма людей с обнаженными нервами, едва не потерявших отечество. Вместе с тем, он, вернее его обострение, – плод безработицы, упадка торговли, когда человек человеку становится волком, когда нужно вытеснить ближнего, чтобы не погибнуть самому; тогда обостряется и классовая, и национальная вражда. Но нельзя также отрицать в этом явлении и самостоятельной роли нарочитой разжигающей пропаганды изуверов. И раньше националистические течения в Германии порой окрашивались в защитные против еврейства цвета. Но никогда соответствующие лозунги не достигали такой лубочной примитивности и агрессивности, в конечном счете далеко небезопасных для целей самого национализма. Как хорошо сознавал это Бисмарк, не допуская антисемитских мотивов и до порога своей политики!

Враг один, враг должен быть один. Марксизм, коммунизм – функции еврейского духа. Но не в меньшей степени его детищем является и международный финансовый капитал! Борьба еврейского марксизма с еврейским капиталом – лишь внешняя, показная. Еврей банкир и еврей социалист, когда нужно, поймут и поддержат друг друга. Они враждуют лишь для того, чтобы теорией классовой борьбы вернее разложить ненавистный им арийский мир; на самом деле они взаимно сотрудничают. Когда в июле 1931 года прекратил платежи Данат Банк, наци на всех своих митингах уверяли, что его руководитель Яков Гольдшмидт перевел весь капитал за границу, о чем своевременно предупредил вкладчиков евреев, – немцы же разорены и

обмануты. В разгоряченной атмосфере находилось немало охотников верить этой информации и делать из нее приличествующие случаю выводы.

Однако, когда представитель американской прессы спросил Гитлера о его политике по отношению к еврейству, вождь поспешил дипломатично заявить, что никаких ограничений по адресу лояльных евреев его правительство предпринимать не будет: «я не воюю с достойными, уважаемыми евреями; но если еврей работает на большевизм – он наш враг». – Когда же несколько озадаченный журналист задал вопрос: «а как же программа?», Гитлер будто бы ответил: «программа нам нужна только для агитации» (беседа 15 октября 1930 года). Ответ, безвкусный цинизм которого был бы совершенно бессмысленным, не будь у расистского лидера настоящей необходимости успокоить хотя бы ценою циничной ужимки заинтересованные американские круги.

Когда Гитлер стал канцлером, антисемитские страсти его сторонников стали бушевать с несравненной свирепостью и уверенностью в себе. Пошли сплошные насилия над евреями. В ряде городов отряды каштановых рубашек закрывали еврейские магазины, устраивали обыски в еврейских организациях, избивали на улицах прохожих, которых внешний облик показывался им подозрительным по части юдаизма. Правительство с своей стороны явно потворствовало травле. Министерства увольняли чиновников евреев, а затем было проведено и общее положение о чиновниках, в основу коего положен принцип арийского происхождения. Специальный декрет воспретил убийство скота по еврейскому обряду. Проводилась чистка магистратуры и адвокатуры от евреев судей и адвокатов. Увольнялись евреи педагоги. Промышленные предприятия, банки, в свою очередь, рассчитывали служащих евреев. Городские больницы увольняли евреев врачей. Группы гитлеровской молодежи вытаскивали из аудиторий уличенных в еврейском происхождении профессоров. На митингах и в расистской прессе бесновался зоологический национализм.

Весь мир встрепенулся, и не только международное еврейство, но и христианское «арийство» – восприняло события в Германии как небывалый скандал для цивилизации. Как в 1914 году, мировая печать запестрела пылкими статьями о «варварах» и «гуннах». В различных странах поднялась кампания бойкота германских товаров. Американское правительство, согласно заслуживающим доверия слухам, сделало «дружественное представление» в Берлине. Заколебались германские ценности на мировых биржах. Заговорили не только о «моральной изоляции» Германии, но и о прямом давлении на нее через Лигу Наций, члены которой принимают обязательство «обеспечения и сохранения справедливых и гуманных условий труда для мужчины, женщины и ребенка на своих собственных территориях, а также и во всех странах, на которые распространяются их торговые и промышленные отношения». Да и права национальных меньшинств также неоднократно бывали предметом международных дискуссий.

На антигерманскую кампанию за границей национал-социалисты решили ответить усилением антиеврейской кампании в Германии, организованным бойкотом евреев. Но, по-видимому, это решение встретило оживленную и авторитетную оппозицию внутри самого правительства. Гинденбург, фон Папен, фон Нейрат, националисты и руководители рейхсвера осаждали Гитлера предостережениями и советами умеренности. Пресса Гугенберга высказалась против бойкота. Даже экс-кайзер из Доорна, говорят, выразил свое неодобрение. В результате был проведен всего лишь один однодневный демонстративный бойкот 1 апреля, под предлогом, что «заграничная антигерманская кампания юдаизма пошла на убыль».

Все же и без формального бойкота преследования евреев во всей Германии не прекращаются и поныне. Несмотря на то, что официальные еврейские организации стремятся смягчить эти преследования всяческими обязательствами лояльности по адресу правительства, – атмосфера продолжает оставаться накаленной. Отмечены многочисленные самоубийства евреев, не выдерживающих атмосферы ненависти и унижений, в которую их погружает новый режим. Особенно тяжело приходится лицам интеллигентных профессий. Массы евреев стали выез-

жать из Германии – правительство запретило выезд без визы. Сумбур пока в разгаре. Будущее покажет, удастся ли вожакам германского фашизма выйти, хотя бы тактически, из плена той погромной зоологической идеологии, которую они столь пламенно проповедовали, добиваясь власти: в строительстве современного государства идеология эта – плохой, неладный инструмент. Она хуже преступления, она – ошибка.

Никогда Германия не была столь далека от духа Гёте и Шиллера, как теперь, поскольку она заявляет себя – Германией Гитлера.

НАЦИОНАЛИЗМ. ГОСУДАРСТВО. ПАРТИЯ

Расовая тема упрямо и постоянно звучит в национал-социализме. Но секрет его широкого успеха лежит все же не в зоологически-расовом, а в национальном пафосе. Он выступает боевым и ярким национализмом. Самый «расизм» его воспринимается массами, скорее, лишь как прелюдия, наукообразная предпосылка патриотических его призывов.

«Наш лозунг, наша программа: Германия, только Германия, ничего кроме Германии!» – восклицает Гр. Штрассер. «Мы боремся, – пишет Гитлер, – за обеспечение жизни и роста нашей расы и нашего народа, за благополучие его сынов, за чистоту его крови, за свободу и независимость родины, дабы наш народ был в силах выполнить миссию, порученную ему творцом мира».

В речах гитлеровских ораторов часто провозглашается знакомая идея германского «мессианизма»: немцы – первый народ в мире и Германии должно принадлежать высшее место среди народов. Книга Гитлера кончается патетическим заявлением о грядущем владычестве германской расы над землею. «Идите за нами, – призывает немцев Геббельс. – Завоевывайте Германию. И Германия снова завоюет мир».

Традиции заносчивого националистического эгоцентризма достаточно живы в Германии, чтобы движение, открыто их усвоившее, добилось шумного успеха. Гитлер публично превозносит шовинизм – в пику духу Локарно и фразеологии Лиги Наций. «Боязнь шовинизма, свойственная нашему времени, есть свидетельство его импотенции... Великие перевороты стали бы невозможны на этой земле, если бы фанатическая, даже истерическая страсть уступила место буржуазным добродетелям спокойствия и порядка». Страстный, беззаветный патриотизм, ставящий благо родины выше всего, громко издевающийся над пацифистским лицемерием творцов Версаля, не мог не найти отклика в стране Бисмарка, которую формулы Веймарского катехизиса сумели внешне опутать, но не внутренне переродить.

За Германией не только великое прошлое: она достойна и славного будущего. По коричневой армии пронесся лозунг «Третьей Империи», полный магического, едва ли не религиозного энтузиазма. Две империи – в прошлом: Священная Римская Империя Германской Нации и великая держава железного канцлера. После нынешнего печального исторического антракта несокрушимая народная воля воздвигнет третью (и, по-видимому последнюю, «окончательную») империю – грядущее мировое германское государство расового гения и солидарного труда. Эту несокрушимую политическую волю, этот спасительный национальный порыв высшей эсхатологической значимости берется воплотить и упорядочить немецкая национал-социалистическая рабочая партия.

По адресу Веймарской республики у гитлеровцев нет иных чувств, кроме презрения и ненависти. И нельзя отрицать, что эти чувства, сознательно превращаемые ими в проповедь, лозунг, плакат, – находят благоприятную среду. Не повезло демократии в Германии. Рожденная под несчастным созвездием военного разгрома, она как-то неразрывно сочетала себя в народной душе с национальным позором; это не вина ее, а беда. Веймар и Версаль – братья-близнецы; ненависть к Версалью рикошетом бьет и Веймар. Это не могли не понимать и сами демократы. «Лучше народ, свободный вовне при внутреннем несвободном строе, нежели народ, скованный извне, при самой свободной внутренней организации», – заявил в свое время в Веймаре Конрад Гаусман. На лице молодой республики горят ужасным проклятием пощечины Клемансо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.